

или способствовать естественному развитію, или же дать ему дурное направленіе.

Воспитатель-учитель многое можетъ внушить и привить ученику въ направленіи его отношеній не только къ старшимъ и власть имущимъ, но и къ равнымъ себѣ, и къ слабѣйшимъ, въ отношеніи къ чужимъ интересамъ, къ необходимому и одинаково для всѣхъ желанному порядку, къ неприкосновенности чужой собственности, святости чужого права, и проч., и проч. Все, хорошее и дурное, что сдѣлано будетъ въ томъ или другомъ направленіи въ дѣтствѣ, особенно же въ воспріимчивыхъ крестьянскихъ дѣтяхъ,—все это сторицею принесетъ соотвѣтствующіе плоды въ жизни. Учитель школы ни на минуту не долженъ забывать, что народная школа, при настоящемъ положеніи семьи народной, можетъ и должна воспитывать своихъ учениковъ и въ классѣ во время уроковъ, и во время перемѣнъ между уроками, до и послѣ классовыхъ занятій, во время школьныхъ игръ, во время праздничныхъ прогулокъ въ поле, въ лѣсъ, и проч., и проч. Душа дѣтей открыта и воспріимчива, крестьянскія дѣти необыкновенно чувствительны къ доброму слову, къ искреннему чувству, къ доброму внушенію.

Въ дѣлѣ воспитанія подростковъ поколѣній, въ дѣлѣ созиданія такой или иной ихъ будущности на современной школѣ народной и на учителѣ народномъ лежитъ великая отвѣтственность—и передъ современниками, и передъ потомствомъ. Значеніе скромнаго, но важнаго труда народнаго учителя признается всѣми, и его дѣятельность въ томъ или въ другомъ направленіи оцѣнивается и теперь, еще болѣе будетъ оцѣнена въ будущемъ. Мы, учителя, рѣдко и недостаточно глубоко вдумываемся въ великія и святыя слова, говорящія о страшномъ для каждаго изъ насъ судѣ: „я былъ голоденъ и хотѣлъ пить, и вы меня не накормили и не напоили; былъ въ темницѣ,—и не посѣтили“... Судъ этотъ страшенъ еще и потому, что на немъ нельзя ничѣмъ оправдаться,—ни тяготою личной жизни, никакими посторонними вліяніями: учитель самъ избираетъ свое дѣло, самъ можетъ и отказаться отъ него, перемѣнить его на другое, быть можетъ, болѣе выгодное для него... И этотъ страшный судъ наступаетъ для учителя и при его жизни, и тотчасъ же послѣ его смерти... На меня лично произвело, между прочимъ, огромное впечатлѣніе чествованіе памяти покойнаго директора учительской семинаріи Шалфеева—слушателями курсовъ, въ большинствѣ его учениками... Несомнѣнно, что честный трудъ этого честнаго воспитателя-наставника воспиталъ въ своихъ питомцахъ не только благородное чувство благодарности, но и возрастилъ въ нихъ добрыя,